18+

ЕВГЕНИЙ ОСИПОВ

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ИНЖЕНЕРА НА БЕРЕГАХ КАСПИЯ

Евгений Осипов

У последней черты. Записки русского инженера на берегах Каспия

«Издательские решения»

Осипов Е.

У последней черты. Записки русского инженера на берегах Каспия / Е. Осипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644430-0

Молодой человек, инженер по образованию, прибывает по служебным делам в южный мегаполис — Баку. Здесь в силу разных обстоятельств, он оказывается на самом острие межэтнических противоречий. Герой — человек мирного времени, ему не знакомы ужасы, по сути дела, гражданской войны. Найти своё место на таком изломе истории, сохранить честь и достоинство русского человека, придти на помощь товарищам в трудную минуту — это становится главным для него в стремительно меняющимся окружающем мире.

ISBN 978-5-00-644430-0

© Осипов Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава первая 7
Глава вторая 11
Глава третья 16
Глава четвёртая 21
Глава пятая 28
Конец ознакомительного фрагмента. 35

У последней черты
Записки русского инженера на берегах Каспия

Евгений Осипов

Танюше любимой
посвящает автор

© Евгений Осипов, 2024

ISBN 978-5-0064-4430-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Теперь, когда прошли годы и все былое словно подернулось серой пеленой забвения, а участников тех событий, как сказал поэт Пушкин, *одних уж нет, а те* далече, наконец, настал момент, когда можно без риска для автора и, тем более, для уважаемого читателя, вспомнить эти драматические события, пока они окончательно не канули в *реку забвения – Лету*. Тем более, что они уже не снятся мне больше по ночам и стираются в моей памяти.

Все мы с вами живём в привычном для нас мире. Нас окружают знакомые и родные люди. Многие из них нас любят и заботятся о нас. Резкая же смена окружающей действительности, когда ты не по своей воле оказываешься в совершенно другом, не знакомом тебе мире, не знаешь живущих там людей, не понимаешь их языка и не можешь, даже одномоментно, предсказать их намеренья и поступки, короче говоря, не понимаешь, что у них на уме – то по неволе происходит своеобразная интерференция твоих представлений о мироустройстве и приобретённых ранее навыков. Что ещё вчера казалось не заслуживающим особого внимания, сегодня становится главным фактором твоего выживания.

Окружающие, эти новые для тебя люди – и не хорошие, и не плохие, а просто другие. За ними интересно наблюдать, постигать их мировоззрение и обычаи, дружить с ними, если всё это происходит в мирной жизни, не на *изломе истории*. Тогда в один момент вся мирная жизнь заканчивается и люди внезапно начинают преследовать друг друга по национальной принадлежности *ни за что ни про что*. Это очень неприятно, противно и я бы даже сказал – мерзко.

У тебя, друзья мои, привыкшего к мирной жизни, на глазах начинаются разворачиваться жуткие картины национальной неприязни, погромов и убийств. Люди делят *землю,* забывая, что на могилу им не потребуется больше двух квадратных метров. Не дай Бог оказаться свидетелем, а ещё хуже – невольным участником такого рода событий.

Мирный город в считанные мгновения превращается в какое-то *зазеркалье* со своими законами и нравственными нормами. Ты ходишь среди этих людей, ещё вчера милых и приветливых, и не понимаешь, как такое возможно. Почему они не протестуют и не призывают к порядку погромщиков и убийц. Более того, ты и сам помалкиваешь и чуть ли не киваешь им одобрительно головой. Прекрасно понимаешь, что следующим, если что не так, будешь ты сам.

Вот и ходишь по улицам такого города, изображая случайного прохожего. Сначала сам трясёшься от страха быть убитым, а потом успокаиваешься и видя, что тебя пока не трогают, даже начинаешь аккуратно беседовать с погромщиками, изображая полное неведенье причин происходящего. И даже чуть ли не высказывая одобрение их, якобы, вынужденным действиям. Жестоким убийцам. Страшно!

Но так уж устроен русский человек, что если пошлёт ему Бог в трудную и опасную минуту товарищей, то плевать он хотел на все опасности и невзгоды. Ещё вчера, запуганный внешними страшными обстоятельствами и не уверенный в себе, он приободрится, запоёт песню и пойдёт вперед на неприятеля. Русские не сдаются, спасайся, враг, кто может!!

Глава первая
В путь

Январским тёмным вечером, наскоро простившись с домочадцами, я шагнул во вьюжестую черноту ночи. Мела пурга, снежные заряды били мне в лицо, словно пытались меня остановить. Во внутреннем кармане моего пиджака, помимо командировочного удостоверения и тощей денежной суммы на командировочные расходы, лежал довольно объемистый пакет из оберточной бумаги, туго перетянутый бечевкой и украшенный пятью сургучными печатями.

Его всучил мне в последний момент директор нашего института – Иван Иванович Иванов, знатный ракетостроитель. Его, уважаемый читатель, ты конечно помнишь. Его имя гремело в нашей стране на излете *Перестройки*.

– Евгений! – набычившийся словно бык и тяжело расставив ноги, бросив на меня мутный взор, говорил Иван Иванович, – будешь на заводе в свободное от основной задачи время занеси этот пакет, вот, по этому адресу. Это личное, – и директор показал мне почтовую открытку с адресом.

Я не удивился, так как знал от коллег, что в этом южном городе у *Иван Иваныча* проживает прежняя супруга и, по-моему, взрослая дочь. Видимо, хотел что-то ценное передать прежней семье, что отправлять почтой, на закате *Перестройки,* было рискованно. И было понятно, что первым делом надо завести пакет по указанному адресу, а уж потом согласовывать технические вопросы и принимать сварочное оборудование у заводчан.

На Курском вокзале в Москве было суетно и многолюдно, но Советская власть была еще *крепка* и поезд Москва – Баку подали вовремя. Заняв свое место в купе, я осмотрелся. Судьба свела меня с весьма примечательными попутчиками.

Центральное место в нашем временном коллективе занимала дама бальзаковского возраста, довольно приятной наружности и очень доброжелательная, куда-то ехавшая по своим делам.

– Наталья, – представилась она.

Следующим украшением нашего купе, я говорю без всякой иронии, был громила – матрос, ехавший в сторону Каспийского моря, чтобы занять свое штатное место механика на рыболовецком траулере в порту, который телеграммой ему укажет капитан. Матрос был в гражданской одежде, но все равно выглядел очень мужественно. А главное, я даже под страхом смерти не смог бы себе представить, что уже на другой день этот человек спасет мне жизнь. Звали его Боря. Так он нам представился.

Четвертым нашим попутчиком был худощавый юноша – студент какого-то бакинского вуза, с сильно восточной внешностью, в каникулы наведывавшийся в Москву. Юноша был, как говорится, *весь из себя* и по-русским говорил правильно, и без малейшего акцента. Его звали Рустам.

Всю дорогу мы беззаботно резались в карты, конечно, в дурака. Матрос был, где-то, мой ровесник и мы сразу с ним подружились. Не знаю как это вышло, но он показал мне свой паспорт. Я узнал, что он откуда-то с Урала, недавно женился на москвичке, она прописала его в своей квартире и теперь он едет на Каспий зарабатывать ей, по всей видимости, на шубу и обстановку в квартире. Наша дама оказалась тоже в курсе его дел и только качала головой.

Студент оказался говорливым юношей и вскоре мы уже знали до подробностей как тусуется *золотая бакинская молодежь,* и какие у него планы на будущее – довольно оптимистичные. Но не нами сказано, что *человек предполагает, а Господь располагает* .

А сейчас мы весело ехали навстречу кровавой круговерти и вполне себе благодушествовали.

На Тихорецкой мы вышли с моим матросом из вагона перекурить и размять ноги. Смеркалось. Высокие пирамидальные тополя, обрамлявшие перрон, упирались своими острыми вершинами в лазоревое, уже здесь похожее на весеннее, небо. Сумеречная тишина радовала свой ненавязчивостью и близостью.

Поезд дёрнулся и рулетка Судьбы закрутилась, *шарик помчался, скача по* лузам, деля нас на удачливых и неудачливых, на живых и на мертвых. Мы поспешили к своему вагону. Дальнейшие события уложились в несколько секунд, но все происшедшее представилось мне как в замедленной киносъемке.

Вдоль перрона с отчаянным криком бежала молодая женщина с тяжелой сумкой.

– А-а-а! Помогите! – кричала она и, видимо, из последних сделала рывок в нашу сторону.

Ее преследователь не заслуживает отдельного описания – громила с бандитской мордой и явной тягой к вседозволенности.

Поскольку представителей закона здесь явно не просматривалось, как-то так само собой получилось, что когда эта парочка поравнялась с нами, я непроизвольно сделал подножку этому мерзкому грабителю. Он перевернулся в воздухе и упал на спину. Быстро, с кошачьей ловкостью, вскочил, в руке блеснул длинный нож.

Когда я был еще студентом, один наш преподаватель, участник войны с Японией на Дальнем Востоке, вспоминал, что когда врываешься во вражеский блиндаж с автоматом и наводишь его на врага, то человек вздрагивает и невольно замирает.

Тоже случилось и со мной. Блестящее лезвие стилета меня словно загипнотизировало. Время остановилось. Но сосредоточив все свое внимание на мне, грабитель совершенно оставил без внимания моего друга-матроса.

Раз! И его железный кулак опустился на голову нападавшего грабителя. Тот ничком упал и затих.

Поезд тем временем набирал ход и мы не стали ждать окончания этой схватки, а прямо на ходу погрузили наш *боевой трофей* в вагон вместе с ее сумкой. Мой матрос еще успел прихватить и оружие нашего неприятеля – стилетообразный нож.

– Рузанна, – представилась нам эта *восточная красавица*, еще не достигшая бальзаковского возраста. Симпатичная и стройная девушка: светло-синие глаза, черные ресницы и брови в разлет, красиво и по моде одетая, с чувством собственного достоинства, Рузанна сразу потянула на *украшение* нашего коллектива. И мы с товарищем поспешили пригласить ее в наше купе.

Проводница вагона, добродушная русская женщина, ставшая невольной свидетельницей всего происшедшего, отнеслась к Рузанне с пониманием и позволила ей ехать пятой в нашем купе, взяв с нее какую-то символическую плату.

Черная южная ночь *накрыла нас своим покрывалом* и при тусклом свете поездного светильника, наша *Шахерезада* начала свое повествование.

– Я родилась и выросла в Баку. Это мой родной город. Моя мама русская, а отец армянин. Мы жили очень хорошо. Мама никогда не работала, отец нас всем обеспечивал. Он работал в одном из республиканских министерств. У нас была шикарная квартира в центре города.

– Теперь все рухнуло. Появилась межнациональная вражда, жить по-прежнему стало невозможно и даже опасно. Мы переехали в Ростов, поменяли квартиру. Конечно, не такую шикарную, но тоже ничего.

Мы с Борей немного выпили водочки – все-таки не малый стресс и игра в карты возобновилась с прежнем энтузиазмом под рассказы Рузанны о ее бакинской жизни, так нелепо прервавшейся.

– Моя подруга, – продолжала Рузанна, – сделала шикарный ремонт своей квартиры. Мастера привозила из Ашхабада. Он сделал что-то невероятное, просто прекрасное. Я тоже собиралась поехать за ним, чтобы пригласить к себе, но тут все пошло кувырком. Надо было спасать свою жизнь.

«Да, – подумалось мне, – Рузанна первый встретившийся мне осколок армяна-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха, армянского анклава на территории Азербайджана».

– Рузанночка, – вступила в разговор наша дама, – а у тебя есть муж, дети? Где они?

– Я не замужем. Мой жених несколько лет назад погиб при странных обстоятельства. Мы с ним отдыхали в Дагестане, в красивом уединенном месте. Купались, бродили по берегу, любовались звездным небом. Мы были счастливы. Ничто не предвещало нам беды, – продолжала Рузанна. – В какой-то момент я отошла, Володя остался на берегу. На море было небольшое волнение. Откуда взялась эта страшная волна – непонятно!

Из глаз Рузанны брызнули слезы. Мы все обратили свои взоры на нашего матроса.

– Да, – подтвердил Боря, – бывает, Каспий не предсказуем. Слишком много крови пролилось на его берегах. Другой раз так тряхнет наш траулер, что мало не покажется. А ты что молчишь, Рустам. Страшен тебе Каспий?

– Да нет, зачем его бояться, – начал Рустам, – Каспийское море – ласковое море, Бакинская бухта для меня, что дом родной. Я вырос в Черном городе, мои родители – нефтяники. Мы с ребятами могли так далеко заплыть от берега без всякой лодки, что возвращались уже ночью, плыли на свет огней города. Мы брали с собой воду и что-нибудь перекусить.

От изумления, мы все замолчали. Этот худощавый юнец сразил нас наповал своим рассказом.

– А вы, Наталья, к кому едете? – спросила Рузанна.

– Я еду к дочери, она замужем за военным моряком, живут в военным городке неподалёку от Баку. И к внукам, конечно. Очень за них тревожусь, опасаюсь каких-нибудь неприятностей.

– И совершенно напрасно, – стал успокаивать её Борис, – *вояки* не дадут в обиду свои семьи. Я служил здесь в армии и положение дел знаю не понаслышке.

– Между собой армяне и азербайджанцы могут ссориться из-за Карабаха сколько им угодно, конечно. без погромов и кровопролития. Центральная власть за этим зорко следит. Но если они сунутся бесчинствовать в город, в военные городки – конец. Разнесут в пыль и прах, *полетят клочки по закоулочкам*, ничего не останется. Таков уж русский человек – может долго терпеть обиды, но за жен, детей – убьет и ничего с ним не поделаешь.

– А много ли советских войск в Баку и вообще в Азербайджане? – спросила Наталья.

– Да не мало, территория республику большая. Только в самом Баку, в Сальянских казармах, расквартирована 295 Херсонская мотострелковая дивизия, где я служил механиком-водителем танка. А еще войска стоят в Гяндже, в Нахичевани, в Ленкорани. Пограничники, летчики, моряки Каспийской флотилии, много военной техники.

– Одним словом – навалом*, враг не пройдет,* – уверил нас Борис.

– А где служит ваш зять?

– Он моряк, капитан третьего ранга, командир дивизиона гидрографических кораблей Краснознамённой Каспийской военной флотилии. Они стоят здесь же, в Бакинской бухте, – пояснила Наталья.

Тут не вытерпела и в разговор вступила Рузанна:

– Наш Баку – многонациональный город и все мы здесь прекрасно уживались. И русские, и евреи, и татары, и курды, и армяне, и, конечно, азербайджанцы. Никто ни у кого не спрашивал какой он национальности.

– Все началось в конце позапрошлого года. Карабахские армяне после страшного землетрясения в Армении, погубившего цветущий край, обездолившего много людей, стали требовать у Центральной власти, чтобы их Нагорно – Карабахскую автономную область передали в состав Армении. В столице края – Степанакерте, прошли многолюдные митинги с такими требованиями. Никто армян там не обижал и не преследовал. Мы все жили одной семьей. В самом Ереване азербайджанцев было едва ли не больше, чем самих армян. Но и там прошли миллионные митинги в поддержку.

– Ну и пошло-поехало. Национальный вопрос сразу обострился. Азербайджанцев стали изгонять из Армении. Сразу появились беженцы. Порой обездоленные люди шли пешком через горные, заснеженные перевалы. На них страшно было смотреть. В каких-то немысленных пальто, разутые, раздетые и сильно озлобленные.

– В конце того же года, жилищные конторы потребовали, чтобы все жители города заполнили анкеты для получения талонов на приобретение продуктов в магазинах. В этих анкетах, помимо адреса проживания, требовалось указать и национальность членов семьи. Не надо говорить, что все эти данные сразу оказались в руках экстремистов из Народного фронта.

Мы все впервые это услышали. Взглянули на Рустама, но он промолчал и отвел глаза. Видимо, мыслями был далеко, где- то в своей молодежной тусовки.

– Один раз вечером, – продолжала Рузанна, – отец пришел с работы и сказал нам с мамой, что армяне, работавшие в Баку-торге, стали уезжать в Россию. Нам это известие было как снег на голову, но выбирать не приходилось. Лучше самим спокойно, загодя уехать, чем потом бежать неизвестно куда и неизвестно в чем. Папа нашел работу в Ростове-на-Дону, мы сделали обмен квартиры и переехали в Ростов.

Пораженный всем услышанным, я вышел коридор. Стемнело. За окном мелькали огни каких- то строений, проносились полустанки. Мужчина из соседнего купе закурил, прямо в вагоне.

– Ну начинаются *восточные штучки!* – заругалась наша проводница.

Глава вторая
В южном мегаполисе

Невероятно солнечным утром, на фоне сверкающих снежных вершин Кавказа, мы медленно ехали по Закавказью. Все для меня было необычно: и пастухи с отарами овец, и каменные азербайджанские дома, и «Волги», на фоне трущобного вида домиков. А главное – необозримый простор Кавказских предгорий в одну сторону и ощущающаяся морская ширь – в другую. Жизнь нас радовала, хотелось надеется на лучшее.

– А вы, Евгений, к кому едите в Баку? Вы как-то скромно, всё помалкиваете, – неожиданно с улыбкой спросила Рузанна.

Читатель, конечно, помнит, что эта *юная красавица* примкнула к нашей компании не сразу и, отнюдь, не по своей воле, и не могла слышать моего сдержанного рассказа о себе. Да и похвастаться, прямо скажем, было нечем.

Еще год назад, я мог бы рассказать ей, что наше режимное предприятие занимается конструированием и стендовыми испытаниями космической техники. Что мы задействованы в космической программе подготовки полета на Марс. Что мы хотим построить в австралийской пустыне, на мысе Кейп-Йорк, космодром.

А теперь, вследствие *Перестройки* и *обновления* нашего социалистического отечества, обо всем этом пришлось забыть. Флёр несбыточного упал с наших глаз. И даже дорогостоящее оборудование для уникальной турбо-эксгаустерной станции, приобретенное нами за золотые переводные рубли в одной из промышленно – развитых стран нашего социалистического лагеря, пропало где-то на подъезде к железнодорожной станции Чоп. И куда оно подевалось – никто не знает, а спрашивать боятся.

– Вы знаете, Рузанна, – начал я, – еду в командировку на Бакинский завод тяжелого электросварочного оборудования. По профессии, я инженер-электрик. Нашему оборонному предприятию поручили выпускать, по конверсии, одноразовые иглы для медицины. Я еду на завод заказывать сварочную линию.

– Из металлической полосы мы будем сваривать трубку. Прокатывать ее до нужного диаметра и изготовлять одноразовые медицинские иглы.

– А, вы, Рузанна, кто по профессии? – поинтересовалась Наталья.

– Я – историк, закончила исторический факультет Бакинского университета. Работала в Архиве Музея истории Азербайджана. Сейчас, конечно, не работаю. В Баку еду заканчивать оформление документов по обмену квартиры. Отец поручил. Надо еще и на кафедру зайти, и в Архиве побывать.

– Занятно, – сказал Боря, – и вытащил из-под дивана трофейный нож, отнятый накануне у бандита, про который мы совсем забыли.

– Хорошая у тебя получилась поездка. Может, возьмешь на память?

Рузанна явно смутилась.

– В Тихорецк я заезжала к подруге, но не застала её дома. Подождала немного и пошла на вокзал. Рассчитывала сесть на ваш поезд. Билетов не было и я пошла по перрону. Дальше вы знаете.

– В портфеле – не сданные книги из университетской библиотеки, моя диссертация, рецензии на нее. А этот бандюга решил, что у меня в сумке ценности. Много стало беженцев, вот они и промышляют.

– В самом Баку вечером стало небезопасно. Под видом сторонников Народного фронта Азербайджана, могут скрываться отпетые уголовники.

– А что за народный фронт?

– Общественная организация, пообещавшая защищать национальные интересы Азербайджана. Возникла после известных событий в Нагорно – Карабахской автономной области. В оппозиции к действующей власти.

– Там беженцы из Армении, недовольные жизнью люди, у кого нет работы, примкнувшие хулиганы и откровенные бандиты.

– Да куда уж нам без хулиганов, – усмехнулся Борис.

– Отбирают квартиры у бакинских армян, – продолжала Рузанна, – грабят, беспредельничают. Власти борются, но как-то вяло. Все словно чего- то ждут.

– Лидер у них – говорливый местный интеллигент, в прошлом диссидент, якобы, борец с Советской властью – Абульфаз Эльчибей. А по жизни – тихий, скромный человек, кандидат исторических наук, филолог, переводчик с арабского. Кстати, выпускник нашего Бакинского госуниверситета.

– Вы будите, ребята, смеяться, но ближайший сподвижник Эльчибея тоже выпускник нашего исторического факультета – Исса Гамбар.

– *Не буди лиха – пока тихо*, – задумчиво произнесла Наталья.

На подъезде к Баку – *бакинский лес,* как назвал его Рустам. Это невообразимое количество отработавших свое нефтяных вышек. Для меня это зрелище было крайне удивительным.

Море, искрящееся под лучами зимнего, но яркого закавказского солнца, настраивало на лирический лад. Настроение было отличным. Хотелось петь или, на худой конец, говорить стихами. Кто бы мог подумать, что всего через какую-то неделю, на военном судне, обороняясь от нападавших экстремистов, спасая доверившихся нам мирных людей, мы со стрельбой будем продвигаться в обратном направлении.

А сейчас Баку, этот чудесный южный город, раскрывал нам свои объятья.

Вот и вокзал. Мы по-быстрому распрощались и каждый двинулся в свою сторону, предполагая, конечно же, никогда больше не увидеться.

Рузанна к моему удивлению не стала спешить покинуть купе. Начала зачем-то перекладывать свои вещи. Явно, не хотела выходить из вагона вместе с нами. Ну да Бог с ней!

Первые шаги по этому красивому восточному городу, я сделал под руководством моего матроса. Всё меня удивляло: и неторопливый, размеренный ритм жизни его обитателей, и продавцы-мужчины газированной воды на перекрестках и тихая уютность площадей и скверов.

Борис хорошо знал город, и мы быстро дошли до гостиницы «Баку», где надеялись остановиться. У Бори там было забронировано место, и он уверял меня, что в это время года там всегда есть свободные места.

У площади, на пересечении улиц, возвышалось девятиэтажное здание без особых архитектурных излишеств. К нашему немалому удивлению, в вестибюле этого *приюта путешествующих граждан* оказалось многолюдно, шумно и весело.

Народ, в основном азербайджанцы, брали штурмом стойку администратора. Гвалт при этом стоял невообразимый. Свободных номеров не было. Борю, по брони, поселили, а мне сказали:

– Раз вы командировочный, так идите в «Интурист».

И тут же подсказали как туда пройти:

– Через площадь Ленина, мимо Дома правительства, на улицу Пушкина.

Не совсем понимая, что это значит, я уныло побрел в указанном направлении. Слово «интурист» меня как-то смутило и напрягло. В Москве мне и в голову не пришло бы селиться в «Интуристе» – дорого, да и мест свободных не бывает.

Но восточный город – это вам не российская провинция, здесь чудеса вас подстерегают на каждом шагу. Вскоре моему взору открылось чудесное четырехугольное здание с угловыми башнями, портиками и колоннадами, напоминающее Дворец дожей в средневековой Венеции.

Монументальный памятник вождю мирового пролетариата – Владимиру Ильичу Ленину – привольно раскинулся на площади перед фасадом здания. Прохожие подтвердили, что это и есть Дом правительства Азербайджанской Советской Социалистической республики, где сосредоточены республиканские министерства, ведомства и прочие управляющие структуры народного хозяйства.

С обратной стороны этого *Дворца дожей* – читатель, не заставляй меня называть его домом – я набрел на памятник Александру Сергеевичу Пушкину, нашему любимому русскому поэту, правда, никогда не бывавшему ни в древней Мидии Антропатене, времен персидского похода Александра Македонского – Завоевателя, ни в Бакинской губернии при императоре Александре Втором – Освободителе, но призванному, по всей видимости, символизировать дружбу народов Европы, Азии и Северной Африки – одномоментно.

Преодолев уютный сквер, я вошел в холл гостиницы «Апшерон» и словно попал в другой мир. Тишина, спокойствие, красивые интерьеры и пальмы в вазонах – что еще нужно бедному путнику, что бы скоротать зимний вечер?

Красивая девушка за стойкой администратора, представившаяся мне заместителем директора этого отеля, быстро подобрала подходящий номер на четырнадцатом этаже за одиннадцать рублей в сутки. Дороговато для командировочного, привыкшего проживать в гостиницах не дороже трех рублей за день, но отступать было поздно. С очаровательной улыбкой Виолетта сообщила о сопутствующем трехразовым питании в здешнем ресторане. Все сомнения отпали.

Я поднялся на лифте на свой этаж и обнаружил вполне приличный двухместный номер с небольшим балконом и прекрасным видом на вечерний город.

«Только не сбросили бы меня с этого балкона бойцы Народного фронта, если дело дойдёт до межнациональных столкновений», – подумалось мне.

Распаковав свой скромный багаж, я стал готовится к ужину – питание в ресторане было обещано только с завтрашнего утра. Литровая стеклянная банка и небольшой электрокипятильник послужили мне вместо чайника. Пока вода грелась, я достал щетку и стал приводить в порядок свою обувь.

Негромкий стук в дверь, заставил меня обернуться. В дверях стоял статный молодой мужчина, азербайджанец, опрятно одетый. Небольшие черные усики подчеркивали умный смеющийся взгляд. По возрасту – где-то мой ровесник.

Уверенно шагнув в комнату, он протянул мне руку:

– Сурет! Будем соседями.

– Евгений, – представился я.

Я заметил, что мой новый товарищ с неподдельным любопытством меня рассматривает. Словно хочет спросить:

– А какого лешего тебя сюда занесло, сидел бы дома в такое время, когда из репродуктора на стене номера бакинское радио на двух языках шлет проклятия в сторону Армении и маховик армяно – азербайджанского конфликта набирает обороты. Верховный Совет Армянской ССР только что принял незаконные решения по Нагорному Карабаху.

Я рассказал, что я из Москвы, инженер, приехал на Бакинский завод тяжелого электросварочного оборудования заказывать сварочные установки. Сурет понимающе кивнул.

В свою очередь он сообщил мне, что он из города Гянджи, так недавно переименовали Кировабад. По его словам, древнюю столицу Азербайджана.

Он инженер—механик, работает в ковроткацком производстве. Недавно трудовой коллектив избрал его директором ковровой фабрики. В годы *Перестройки* это была распространённая практика.

И вот теперь он здесь, тоже в командировке, в Госплане Азербайджанской республики, выбивает фонды для своего предприятия.

Тем временем чай заварился, и я пригласил Сурета за стол. Он охотно согласился, достал из портфеля флягу домашнего красного вина и каких-то национальных азербайджанских закусок. Он очень был удивлен, что я проявил находчивость и сам вскипятил воду для чая.

Ещё больше его поразила моя чистка обуви щеткой с обувным кремом.

– У нас это не принято, – заявил он.

Застолье продолжилось, что окончательно скрепило наше приятное знакомство. Сурет рассказал, что после службы в Советской армии, он начал работать в ковровом производстве: слесарем, сборщиком шерсти, помощником мастера. Заочно учился в институте, получил высшее образование. Прошел все ступени карьерного роста. Теперь он, вполне заслуженно, директор предприятия.

Мы вышли на балкон. Баку – этот южный мегаполис, расстилался внизу в январском сумраке наступавшей ночи. Выпавший накануне снег, бесследно исчез, предполагая наступающие теплые дни. Слева, чуть наискосок, виднелся Дом правительства.

– Сурет, – не удержался я от вопроса, – какая оригинальная и странная форма у вашего Дома правительства, прямо какой-то Дворец венецианских дожей времен Республики.

– Вы правы, Евгений, здание в самом деле необычное. Только напоминает оно не Дворец венецианских правителей, а скорее Дворец великих герцогов Тосканских Медичи в итальянской Флоренции.

Баку. Дом правительства Азербайджана

– По другой версии, автор проекта Лев Руднев, *певец сталинского ампира,* увидел прообраз этого здания на картинах французского художника XVII века Клода Лорена, признанного мастера пейзажной живописи.

– Строительство этого огромного административного здания, где планировалось разместить все министерства и ведомства Азербайджанской республики, началось ещё до войны и завершилось уже в середине пятидесятых годов.

– А куда же смотрели власть предержащие, ответственные товарищи, – поинтересовался у Сурета я, – какое там итальянское барокко, да ещё с восточными мотивами? Где же строгость линий и лаконичность форм социалистического конструктивизма?

– Как удалось обойти чиновничьи препоны?

– Да очень просто, друг мой! Если не можешь данную проблему решить самостоятельно – обопрись на плечо старшего товарища, возьми его в соратники. Лев Владимирович назвал своё творение *Сталинским ампиром* и это решило дело.

– Иосифу Виссарионовичу такое название архитектурного стиля понравилось, и он утвердил проект. А Руднев стал ведущим специалистом по вопросам сталинской архитектуры. В дальнейшем, вполне заслуженно, – академиком архитектуры и лауреатом многих сталинских премий. Кстати, он ещё и автор проекта МГУ имени Ломоносова в Москве на Ленинских горах.

– Так ли было дело? Не знаю. Но, по крайней мере, в таком виде эта история достигла моих ушей.

– Если в Старом городе доминанта городской застройки – Девичья башня, то здесь, в центре, – прекрасное здание Дома правительства.

– Ну и наш *дворец* значительно меньше по своим размерам Palazzo Ducale в Венеции и построен не в XIV, а в XX веке. Palazzo Ducale – это, прежде всего, музей мирового уровня, памятник готической итальянской архитектуры.

– Однако, функциональное сходство вы, Евгений, уловили точно. Многие века Palazzo Ducale служил резиденцией Венецианского правительства, Сенатом, Верховным судом и даже пристанищем тайной полиции. Нижний этаж занимали, как и полагается, различные мелкие ведомства: канцелярия, служба цензоров и конторы юристов. В принципе, всё как и у нас, только меньшего масштаба.

– Удобно ли в нем работать, – спросил я, – столько всего намешено?

– Очень удобно, – ответил Сурет, – в каждой из четырех башен свой главный вход. На лифте поднимаешься на нужный этаж и сразу попадаешь в надлежащее тебе ведомство или отраслевое министерство. Я сегодня, вот, сразу посетил и свое министерство, и Госплан республики.

Удовлетворённые беседой, мы вернулись к столу и продолжили наше прервавшееся застолье.

Глава третья
Схватка в ресторане

#

Утро встретило меня и моего нового товарища небольшим ненастьем. Если ещё вчера было хоть и морозно, но солнечно, то теперь потеплело, стало пасмурно и с моря задул пронизывающий ветер.

Вчерашние истеричные радиопередачи о набирающем силу армяно – азербайджанском конфликте не улучшали настроение. Чем всё это закончится? Об этом не хотелось думать. Но жизнь берет своё. Трехразовое питание в гостиничном ресторане входило в стоимость номера, и мы с Суретом бодро направились позавтракать в *ресторацию,* на первый этаж.

В обеденном зале было пустынно, народ уже позавтракал и разбрелся по своим делам. Мы, явно, пришли последними.

В углу, за столиком, сидел одинокий пожилой мужчина, Мне показалось, что я его уже где-то видел раньше. Когда мы проходили мимо, Сурет приложил руку к груди и склонил голову:

– Добрый день!

– Салам! – с улыбкой ответил незнакомец.

Мы заняли свободное место неподалеку и погрузились в изучение предложенного меню. Поскольку для постояльцев отеля оно было весьма скромным, мы решили его несколько расширить.

Сурет, на правах хозяина, заказал фирменный азербайджанский салат из свежих баклажанов, сладких и горьких перцев, свежего лука, кинзы, укропа и другой зелени, приправленных растительным маслом. Заказали шашлык из говядины, под маринадом из розмарина и базилика, под коньячно—сливовым соусом. Также заказали, помня наше вчерашнее застолье, бутылку красного азербайджанского вина «Апшерон».

Сурет наполнил бокалы и за неторопливой беседой, мы стали ожидать наш заказанный усиленный завтрак.

Я сидел лицом к залу и невольно видел открытое и умное лицо этого пожилого человека, с небольшими залысинами и в меру большим кавказским носом. Пытался вспомнить, где я видел его раньше.

– Сурет, – не выдержал я, – кто этот человек, с которым ты сейчас так уважительно раскланялся?

– Евгений, ты или сошел с ума от красивых видов нашей столицы или ещё не отошел от вчерашнего застолья? Это же сам Гейдар Алиев, ещё недавний хозяин Азербайджана, в прошлом первый секретарь компартии республики, глава республиканского КГБ, наконец, член Политбюро ЦК КПСС и личный друг Леонида Ильича Брежнева.

– Неужели не узнал? Правда, теперь он на пенсии, так сказать, не у дел, но все равно заслуженный и уважаемый в Азербайджане человек. При нем наша республика процветала. Одни виноградники чего стоили, не говоря уж о нефтегазодобычи да и о многом другом.

– Жёсткой рукой навел в республике порядок. Поприжал откровенных коррупционеров. А то ведь всё продавалось: и чины, и должности, и ученые звания. Были громкие дела по хозяйственным преступлениям – пять председателей колхозов и директоров фабрик при нем расстреляли. В Москве это заметили…

– Не нами сказано, Евгений, – где родился, там и пригодился. В столице карьера у Гейдара Алиевича не задалась. Бросали его на решение разных текущих проблем, хоть и в высоких чинах, да что толку – чужак.

– А как, говорят, стал новому генсеку Горбачеву советовать по поводу проведения *Перестройки* в Союзе, так и совсем отправили на пенсию.

– Да и какой советский партийный функционер станет держать вблизи себя бывшего оперативного сотрудника резидентур в Иране, Турции, Пакистане и других *полуденных* странах? Да еще и бывшего главу КГБ Азербайджана. Совсем ни к чему!

– Всё-таки, почему он здесь сидит один, без должного сопровождения и охраны?

– А кому интересен сбитый летчик? Видишь, *вон его самолет в кустах догорает*! – и Сурет махнул рукой куда—то в пространство.

При словах «сбитый летчик», вспомнилось, как несколько лет назад я приехал в командировку на Братскую ГЭС. Выйдя из здания аэровокзала, я увидел свежее асфальтовое полотно в сторону города Братска.

– Алиева ждут, – подсказали другие пассажиры.

Звонить на станцию и требовать машину, чтобы меня довезли до гостиницы в городе, мне показалось излишним, и я скромно присел на скамеечку неподалёку от входа в ожидании рейсового автобуса. Был теплый майский день, светило солнышко, дул легкий ветерок и все располагало к безмятежности.

Шквалистый ветер, только что не ураган, возник из ниоткуда. В считанные секунды была содрана железная крыша с вестибюля здания и пролетела надо мной на расстоянии вытянутой руки, заставляя меня задуматься над превратностями Судьбы.

Наконец, подали заказанное: салат по-азербайджански и шашлык, приправленный помидорами и свежей зеленью. Трапеза перешла в своё законное русло – мы пили вино и закусывали.

– Видимо, к старшему брату Гасану приехал, – продолжал Сурет. – Он известный в республике человек, академик по почвоведенью. В прошлом, занимал в правительстве высокие должности. Местные власти запретили Гейдару Алиевичу проживать в Баку. В родную Нахичевань сослали. Он и остановился в гостинице, чтобы брата не компрометировать.

– Посоветоваться, как быть дальше, приехал.

– А почему в гостинице встречаются, могли бы и дома, у брата?

– Это совершенно невозможно! У нас такие говорливые женщины, что завтра весь город будет знать о чем они говорили.

Я сидел перед Суретом, лицом ко входу в ресторан, и поэтому первый заметил двух новых входящих посетителей, по виду азербайджанцев. Видимо, отца с сыном – студентом, тоже припоздавших к завтраку.

Высокий сухопарый отец с нелепо торчащей бородкой в стиле императора Наполеона III времен Второй французской империи, и круглолицый невысокий сын-студент, видимо, гуманитарий.

Осторожно приглядываясь к окружающей обстановки, они двинулись в нашу сторону. Вид отца, словно сошедшего с золотого наполеондора в двадцать франков, настолько был поразителен своим сходством с последним французским императором, что я замер и лишился слов.

Между тем, вновь пришедшие приблизились к столику уважаемого человека, раскланялись, обменялись приветствиями на своем языке, а старики даже обнялись и расцеловались. Молодой человек был удостоен только рукопожатия.

– Да, – продолжал разглагольствовать Сурет, – пролетел Гейдар Алиевич, как фанера над Парижем. Зачем только в Москву к Андропову поехал? Сидел бы здесь, в Азербайджане. И ему бы лучше было и всем нам. Не было бы никакого межнационального конфликта. Жили бы себе мирно и в разумном достатке.

– А теперь что? Воевать с братьями – армянами? *Худой мир лучше доброй ссоры!*

Наконец, Сурет заметил мой направленный за его спину взгляд и обернулся. Глаза его удивлённо расширились, кусок мяса от шашлыка застрял горле. Он поперхнулся, откашлялся и произнес грубое русское слово, которое я не решаюсь повторить своим читателям.

– Евгений, – произнес он, – то, что вы видите сейчас, – это достойно кисти самого Ильи Ефимовича Репина под названием «Сговор за спиной народа», за нашей с вами спиной. Видя мой недоуменный взгляд, пояснил:

– Генерал-майор КГБ товарищ Алиев, пусть и в отставке, сидит за одним столом с земляком-нахичеванцем Абульфазом Эльчибеем – ярым антисоветчиком, которого он в свое время за подрыв основ советского конституционного строя отправил на трудовое перевоспитание в каменный карьер. А затем выпустил без всяких на то оснований.

– А это что было за дело?

– Эльчибей, тогда еще Алиев, преподавал в Бакинском университете и организовал со своими студентами антиправительственный кружок, в котором они обсуждали проблемы восстановления государственной независимости Азербайджана. За это и посадили. Как, впрочем, сделали бы и в любой другой стране.

– Но Эльчибей – Алиев просидел недолго, вскорости вышел и продолжил успешную карьеру в науке, в Институте рукописей Академии наук Азербайджана. Он историк, филолог-арабист.

– А с прошлого года – лидер, председатель Народного фронта Азербайджана. Эльчибей – значит «посланник народа».

Столик, вновь прибывшим товарищам, быстро накрыли набежавшие официанты и они принялись за свой деловой завтрак, приятно улыбаясь друг другу.

– А что это за молодой человек весьма невинного вида в очках, примкнувший к прожжённым политиканам?

– О, Евгений, – это восходящая звезда на нашем политическом небосводе. Позвольте представить – Исса Гамбар, тоже один из руководителей Народного фронта, историк, выпускник нашего университета. До недавнего времени сотрудник Института востоковедения, – пояснил Сурет.

– А теперь, один из основателей и руководителей Народного фронта Азербайджана, самой мощной политической силы на данный момент. Совсем недавно, запросто устроили железнодорожную блокаду Армении и Нагорного Карабаха. Имеют свои структуры на предприятиях, учреждениях, институтах. Пытались выдвинуть своих кандидатов на съезд народных депутатов СССР, организовывали в Баку многотысячные митинги, но всё безрезультатно. Все попытки попасть во власть, были жёстко пресечены сложившейся за многие годы партийно – хозяйственной номенклатурой.

– В сентябре у нас в республике выборы в Верховный Совет Азербайджана, так что эта встреча, я полагаю, не случайна, – завершил свой монолог Сурет, – я в курсе политических дел – сам хочу участвовать в этих выборах.

Сурет, наконец, замолчал и мы продолжили наш завтрак. Было видно, что неожиданная встреча с политическими оппонентами взволновала моего товарища. Он, как я понял, был сторонником народного единства и всякие политические сговоры и торгашество политиканов явно ему претили.

Между тем у наших соседей по завтраку стало намечаться оживление. Если молодой человек в очках больше молчал и слушал старших товарищей, то бородатый *посланник народа* горячо убеждал в чем-то Алиева. Они разговаривали по-азербайджански, до нас долетали только отдельные фразы, но было очевидно, что бывшему главе республики рассказ Эльчибея не очень нравится.

– Хвастается блокадой Армении, – пояснил Сурет, – и что они открыли в Ленкоране и Нахичевани границу с Ираном, снесли семьсот километров проволочных заграждений. Устроили братания на государственной границе.

«Куда они подевали эту проволоку – наверняка, использовали для изготовления загонов овцам», – решил я. Но вслух сказал, что это опасные игры с государством.

Видимо, это же самое сказал Гейдар Алиевич Абульфазу Эльчибею, потому что последний стукнул кулаком по столу и с грозным видом подозвал официанта.

– Сейчас водки закажет и его понесет. Видел бы ты, Евгений, его на митингах! Многотысячные толпы народа, он доводил своими безответственными речами до экстаза. Призывал к государственной независимости от России, чтобы жить хорошо, как в Катаре, как в Арабских Эмиратах.

– Побывал он ещё в молодые годы на языковой практике в Египте, так после этого *крыша и поехала*, стал проповедовать пантюркизм, антикоммунизм и русофобию. Подвизался переводчиком с арабского на строительстве Асуанского гидроузла на *исторической* реке Нил. Там и наслушался разговоров, что простому человеку хорошо живется при капитализме, хотя и видел бедность и нищету арабского населения Египта.

А размечтавшись, уже не мог остановиться – понесся по житейскому морю, как говориться, *без руля и без ветрил*.

Принесли графинчик с водкой. Ни Гейдар Алиевич, ни Исса Гамбар к ней не притронулись. Зато *посланник народа* налил себе полный фужер. Вскоре разговор за столиком в углу зала заметно оживился. По доносившимся до нас отдельным фразам, Сурет прокомментировал:

– Призывает строить независимое от России, от Советского Союза государство. Вспоминает старые обиды, призывает к мщению. Проклинает всех подряд: и коммунистов, и русских с армянами, и самого товарища Ленина, загнавшего азербайджанский народ в «тюрьму народов».

Чем дальше длился этот разговор, все больше походивший на уличный митинг, тем злее становимся Эльчибей.

– А чего ему надо от пенсионера товарища Алиева? – поинтересовался я, – ну и строй себе на здоровье независимый Азербайджан, если народ не против. Только без погромов армянского населения, демонтажа государственной границы и прочих неадекватных и преступных действий.

– Я вижу, Евгений, вы в политике совсем не разбираетесь. Видимо, не любите и историю, а зря – ещё Марк Туллий Цицерон поговаривал, что «historia est magistra vitae». Другими словами – *история есть наставница жизни*. К сожалению, новое независимое государство можно создать только путем вооруженной борьбы!

– Посетите, на досуге, наш Музей истории Азербайджана. Там вы увидите огромное эпохальное полотно – «Александр Македонский в Древнем Азербайджане». Навряд ли *Искандер двурогий*, так на Востоке именовали Александра, добрался до наших краёв мирным путем и основал свою Великую империю.

Внезапно Сурет замолчал, сделал предостерегающий жест рукой и стал прислушиваться к доносившемуся до нас разговору.

– Денег просит у Алиева на создание независимого государства. Говорит, что без золотого запаса это невозможно, нужны финансовые источники.

– Разумная мысль, – вставил я.

Тут мы увидели, что Алиев засмеялся и по-русски сказал:

– У меня ничего нет, я сам живу в деревне у сестры в доме.

Но Абульфаз не унимался.

– А дэнги партыи за рубэжом, ми всё знаэм! Гавари номэра счатов в ыностранных банках, – стал выкрикивать совершенно опьяневший Эльчибей.

– Да я и раньше не знал ничего такого, – отвечал Гейдар Алиевич, – а сейчас тем более.

Абульфаз покраснел, глаза его сверкнули огнём, и он по-русски выкрикнул:

– Дэнги есть – Ыван Ываныч, дэнэг нэт – пошел вон, старий дурак!

И совершенно неожиданно для всех присутствующих в зале, дотянулся до Гейдара, схватил его за горло и стал душить. Немногочисленная в этот час публика стала с интересом наблюдать за этой сценой, но на помощь никто не поспешил. Даже официанты старались не замечать происходящего.

Эльчибей-Алиев душил земляка и по-русски приговаривал:

– Ти мнэ всю жызнь сломал, гад, и сэйчас мэшаэшь!

Молодой человек Исса Гамбар попробовал из разнять, но Эльчибей так ловко двинул его локтем, что попал по носу, потекла кровь. А на излёте удара, зацепил кистью руки очки молодого историка. Сверкнули разбитые стекла.

Мы с Суретом кинулись спасать *патриарха азербайджанской государственности*.

Но несмотря на тщедушный вид, *посланец народа* оказался на удивление сильным и жилистым. Нам вдвоём с трудом удалось оторвать его от горла оппонента и удерживать за руки.

Отдышавшись, Алиев сказал:

– Гусейнов, отведите этого, – и далее последовала такая идиома, которую я слышал в последний раз от командира нашего отдельного реактивного дивизиона майора Симоновича в Забайкальском военном округе, когда мы с товарищами просили его прислать нам в летний полевой лагерь *автолавку,* – в мой номер. И протянул Сурету ключ с номерным жетоном и что-то спросил его на родной языке, показывая на меня. Тот утвердительно кивнул и мы повели под руки в конец опьяневшего политика в указанные апартаменты.

Но далеко уйти нам не удалось. С криком:

– А вы кто такие!

За нами погнался пришедший в себя Исса Гамбар, с явным намереньем отбить шефа. Но наткнувшись лбом на кулак бывшего пролетария, а теперь директора фабрики, остыл и поплёлся за нами следом, прикрывая разбитый нос ресторанной салфеткой.

Эльчибей больше не сопротивлялся, как-то сразу обмяк, и мы с товарищем без происшествий дотащили одиозного политика до нужного номера – двухкомнатного люкса.

С ходу завалили его на кровать. Друг Исса снял со своего руководителя ботинки и благополучно отправил того в *царство Морфея*, а мы, сочтя свой человеческий долг выполненным, поспешили вернуться в свой номер. Нас ждали свои дела: мне пора было ехать на завод, а Сурету – в своё министерство, в Дом правительства.

Глава четвёртая
На улицах города

Я шел по городу Баку, направляясь к станции метро. Улицы были полны народа, всё было спокойно и умиротворенно. Недавнее происшествие в гостинице, теперь казалось какой—то нелепой случайностью, хотя оно и напомнило мне высказывание нашей проводнице в вагоне:

«Ну начинаются восточные штучки!»

Настроение было хорошее и я вертел головой во все стороны, разглядывая красивые фасады старинных зданий и необычные, для российского глаза, восточные сооружения, приглядывался к прохожим.

Люди были сплошь азербайджанцы, приветливые и общительные, охотно подсказывающие мне, как лучше добраться до завода электросварочного оборудования.

Со станции метро «Улица 28 апреля», надо было ехать на окраину города и далее на автобусе до самого завода.

Меня принял сам директор предприятия – доброжелательный азербайджанец, очень довольный моим заказом в такое нестабильное время. Мы быстро обговорили все организационные вопросы, а для уточнения технических – меня проводили к главному инженеру, уже русскому по национальности, человеку. Технические специалисты в отделах, как я успел заметить, были тоже мои соотечественники.

Особых затруднений при уточнении параметров оборудования не возникло и меня отпустили гулять по городу, наказав приходить завтра с утра. И я поехал в центр города, побродить по улицам.

Бакинское метро мне понравилось. Станции не такие помпезные, как в Москве, но уютные и опрятные.

День клонился к вечеру, темнело и я поспешил по знакомым уже улицам в «Апшерон», по дороге перекусив в кафе. Идти на ужин в гостиничный ресторан, после всего происшедшего, после скандала с *мордобитием*, мне как-то не хотелось.

Я вернулся в свой номер в гостинице. Сурета еще не было, видимо, заседал в правительственных кабинетах. И я, скучая в одиночестве, спустился вниз, к обаятельному и скромному секретарю директора, к Виолетте.

– Виола, – сказал я, – окажите мне гуманитарную помощь. Девушка с удивлением, посмотрела на меня.

– Мне жить в вашем фешенебельном отеле несколько дороговато, – продолжал я, – не подскажите ли куда мне лучше перебраться?

Виолетта слегка наморщила свой лобик, на секунду задумалась и выпалила:

– Идите скорее в «Баку», там появились свободные места. Можете сослаться на меня. Устроитесь – вернётесь за вещами.

Что я и не преминул сделать. Знакомой дорогой поспешил по вечернему городу к месту своего возможного дальнейшего проживания.

Всё оказалось так, как сказала Виолетта. Мне предоставили место в трёхместном номере, на восьмом этаже. Поднявшись на лифте в номер, я обнаружил там двух постояльцев: пожилого азербайджанца и юношу, по-видимому его внука, что вскоре и подтвердилось.

Это были жители Нахичевани, приехавшие в свою столицу, по каким-то делам. Имён их я, к сожалению, не запомнил, но это были, судя по юноше, красивые, стройные, гордые люди. Да и дедушка был ещё хоть куда: в силе и отлично всё соображал.

– Евгений, – представился я, – инженер из Москвы, в Баку в командировке. Приехал заказывать электрооборудование на вашем заводе для своего предприятия.

На улицах города

Дедушка и внучок одобрительно закивали головами. Я занял место слева у окна и отправился назад за своим скромным багажом в «Апшерон», где мне было спокойно и уютно, как дома. Здесь же не было прежнего комфорта. По коридорам ходило много людей азербайджанской национальности, было шумно и как-то тревожно. Они всё время что-то обсуждали на своём языке. Это были одни мужчины разных возрастов. Ни одной женщины я не заметил. И почти сразу я начал раскаиваться, что решил сюда перебраться.

Спускаясь вниз и проходя мимо большого буфета на первом этаже, я заглянул в открытую настежь дверь. Мужчины сидели за столиками, пили чай и смотрели телевизор, по всей видимости крутили через видеомагнитофон турецкие фильмы.

Никто не курил, был порядок,. Перед каждым участником этих вечерних посиделок стояло блюдечко с колотым сахаром, маленький фарфоровый чайник и стаканчик особой формы, суживающийся к середине – *армуду,* как я узнал в последствии. Важный атрибут азербайджанской чайной традиции, даже можно сказать, национальной чайной церемонии. Эти стаканчики

за счёт своей необычной формы, позволяют долгое время и в любую погоду сохранять оптимальную температуру чая, не дают ему быстро остыть. Народ здесь, оказывается, любит пить чёрный байховый чай вприкуску с кусковым сахаром.

Участники сходки меня сразу заметили и в несколько голосов сообщили:

– Русских здесь нет!

Впрочем, сказано это было довольно доброжелательно.

Быстро проделав обратный путь, я застал Сурета в нашем номере, увлеченно листавшего мою богато иллюстрированную книгу «Записки триумфатора» Гая Юлия Цезаря, которую я накануне приобрёл на книжном развале по дороге в гостиницу и оставил на своей кровати. Там были и «Записки о галльской войне», и «Записки о гражданской войне» и какие-то другие произведения этого знаменитого древнеримского полководца и политического реформатора.

– Добрый вечер, Сурет, – приветствовал я своего товарища, – хотите я угадаю какую часть этой книги вы читаете.

– Нечего и угадывать, мой друг! Конечно, «Записки о гражданской войне». Эти бюрократы в министерстве и сами не работают и нам, производственникам, не дают. Вставляют палки в колеса где только могут. Будь моя воля, так отправил бы их всех на трудовое перевоспитание в каменный карьер, добывать гранит и мрамор для украшения общественных зданий. Как в своё время поступил Гейдар Алиев с Абульфазом Эльчибеем.

– Впрочем, это ему мало пошло на пользу. По-прежнему мутит воду, баламутит людей своими россказнями о независимом Азербайджане.

Наша республика расцвела при Советской власти. Столько всего нового построено и создано.

– А люди? Разве можно нас сравнивать с нашими соотечественниками проживающими в Северном Иране? Там ещё средневековье, процветает мусульманский фундаментализм, люди задавлены пережитками прошлого и малообразованны. Женщины вообще лишены всех прав, кроме права на паранджу.

– Так что, друг мой, нам с иранскими аятоллами не по пути. Уйдут русские – придут турки, англичане с американцами и прочие колонизаторы. Наша нефть всех привлекает. Нам надо быть вместе с Россией. Это вопрос жизни и смерти. Наш народ это прекрасно понимает. Конечно, не всё бывает гладко, есть и проблемы – куда же без них? – но это стратегическое направление.

– А ваш вековой конфликт с Арменией? – добавил я, – без России вы же перережете друг друга. Разбираться будите до бесконечности, будут гибнуть люди.

Сурет тяжело вздохнул и опять стал листать мою книгу о триумфаторе древнего мира – Гае Юлии Цезаре.

Помолчав, и видимо отвечая каким-то своим мыслям, он в задумчивости произнёс:

– Главное – перейти Рубикон…

Я тем временем продолжал укладывать свой дорожный саквояж. На глаза мне попался директорский пакет с сургучными печатями. Только теперь я вспомнил про него.

– О, чёрт, – невольно вырвалось у меня, – я совсем про него забыл и куда же запропастилась эта чёртова почтовая открытка с адресом получателя.

Вид конверта с сургучными печатями, привлёк внимание Сурета.

– Евгений, я не знаю, что у тебя там в этом конверте, но советую убрать его подальше и не доставать при посторонних.

– Да так, ерунда – личное послание шефа бывшей жене, – ответил я.

– Ну-ну, смотри друг мой. Только помни, что бывших жён не бывает.

Я в смущении затолкал *чёртов* пакет вглубь саквояжа.

Сурет с пониманием отнесся к моему переезду в другую гостиницу, тем более, что и сам он завтра утром уезжал в родной Кировабад – Гянджу. В минуту расставания, что дрогнуло в моей душе, так мне стал симпатичен этот прямодушный и искренний человек. Я вытащил книгу о свершениях Юлия Цезаря и вручил ему на память о нашей встрече. Он попросил что-нибудь надписать, и я наспех начертал:

Моему другу Сурету Гусейнову
в память о нашей встрече и
с пожеланием перейти свой Рубикон

С уважением – Евгений
Баку 11 января 1990 года

Выйдя на улицу, я еще долго находился под обаянием личности Сурета. Идя по вечернему городу и размышляя над увиденным едва ли не в первый день моего здесь пребывания, я и представить себе не мог, что дал в морду будущему демократически избранному президенту независимого Азербайджана, пожал руку следующему президенту, сменившего предшественника на его высоком посту, отбивался врукопашную от будущего председателя Парламента – Меджлиса и накоротке свёл знакомство с будущим героем Азербайджана и замечательным военачальником. Не мог я тогда и знать, что моя надпись на книге с пожеланием перейти реку Рубикон окажется пророческой.

Через три года мятежное войско Сурета, направлявшееся к столице Азербайджана свергать, исходя из свойственного ему понимания общественной пользы, антинародный режим Абульфаза Эльчибея, остановится в десяти километров от Баку, на границе фортификационных заграждений и окопов.

Пройдут невнятные переговоры с продажными политиками, президент страны сбежит из столицы в родную Нахичевань, Сурету будут предложены высокие государственные посты. Он согласится, станет премьер- министром, возглавит правительство и вскоре окажется в тюрьме с пожизненным сроком заключения, обвиненный в попытке государственного переворота и военном мятеже.

Пытавшегося найти убежище в России, безусловно друга нашей страны, Сурета Гусейнова правительство Ельцина выдаст на суд и расправу азербайджанским властям. Не любят власть предержащие самочинных народных героев. Но не любят, и всё тут!

Интересно, что думал в своей одиночной камере, осуждённый к пожизненному заключению, мой новый друг? Вспоминал ли он в тиши тюремной ночи нашу случайную встречу, наши с ним откровенные разговоры и моё пожелание ему «перейти Рубикон», если того потребуют складывающиеся жизненные и политические обстоятельства. Может быть и вспоминал.

Вернувшись в свой номер, к соседям-нахичеванцам, я застал их за вечернем чаепитием в полностью благодушном настроении. Видимо дела, по которым они прибыли в город, решались удачно. Встретили они меня приветливо, и я бы даже сказал радостно, надеясь на интересную беседу с залётным в эти края, в столь не спокойное время, русским. Мне тоже было интересно с ними побеседовать, расспросить об их жизни в столь далёком горном краю, узнать их мнение о конфликте с армянами.

Сразу скажу, что у меня был печальный опыт общения с торговцами-азербайджанцами в своём родном городе, «во глубине сибирских руд», в Чите. Еще студентом, летним субботним вечером, в центре города, мирно прогуливаясь со своими друзьями и приятелями, я подвергся нападению хулиганов. А может быть, мы сами на них напали. Дело было молодое, прошу не судить меня, уважаемый читатель, строго. Перевес сил был не на нашей стороне, пришлось спасаться бегством. Приятели успели скрыться перед набегающей толпой хулиганов, а я один кинулся им на встречу. Всё это столкновение происходило у фасада красивого старинного зда-

ния, где располагался областной комитет государственной безопасности. КГБ, как его называли в то время.

Хулиганы меня окружили, начали куражиться надо мной. Какая-то девушка, мстя за своего пострадавшего друга, начала отвешивать мне пощечины. Расправа готовилась серьёзная. Правоохранителей рядом не было, а из здания госбезопасности, в этот субботний вечер, тоже никто не поспешил мне на помощь. Дело приобретало крайне неприятный оборот. Я понимал, что натешившись оскорблениями, хулиганы примутся за меня всерьёз.

В критический момент, когда я уже стал плохо соображать, напротив, на перекрёстке остановился троллейбус и его водитель стал кричать, чтобы меня оставили в покое. Я ещё удивился, что троллейбус едет не той улице, а перпендикулярно, по улице где нет троллейбусных проводов. Видимо, дела мои в самом деле были плохи. Хулиганы отступили, а проходившие мимо двое азербайджанцев, один помоложе – другой постарше, вызвались проводить меня до дома. Имён их я не запомнил.

Родителей и сестры Веры дома не было, все уехали куда-то отдыхать. Моя молодая и любимая супруга Танюша тоже в этот день уехала к своим родителям. Я остался в квартире один, пригласил друзей и товарищей на дружеское застолье и как видите сразу *попал в переплёт.*

Конечно, я пригласил своих спасителей – азербайджанцев к себе домой на чашку чая. Им у меня понравилось и они, видя что я один. попросились остаться у меня ночевать. Я, конечно, не мог отказать в этом своим новым знакомым.

Мы сидели на кухне за столом и пили чай, когда раздался звонок в дверь. Подоспел ещё один мой друг – Вадим, студент политехнического института, который с большим удивлением стал взирать на моих новых смуглых приятелей ничего не понимая. Он не был свидетелем происшедшей уличной потасовки.

Мы посидели все вместе за столом, рассказывая Вадиму о произошедшей со мной неприятности и припоминая различные моменты уличного столкновения. Приближалась полночь, пора было расходиться. Я взял ведро с мусором и вышел на улицу, заодно проводить и своего товарища. Минут десять мы ещё с ним постояли внизу у подъезда, осмысливая ситуацию, и я вернулся домой в квартиру.

Я постелил своим *новым друзьям* постель в родительской спальне и предложил им принять душ, который они успешно приняли, но прилично затопили ванную комнату, не догадавшись прикрыться шторкой. Из чего я сделал вывод, что им не часто приходится выполнять такую гигиеническую процедуру, видимо, где-то в своей далёкой сельской глубинке. Впрочем, Вадим мне сразу сказал, что это, с большой очевидностью, торговцы фруктами с местного рынка.

Ночь прошла спокойно без всяких происшествий. Попив на дорожку чайку и вместо того чтобы начать прощаться, мои южные гости огорошили меня заявлением, что они придут ко мне ночевать и на следующую ночь, и им теперь не надо устраиваться в гостиницу. В ответ я только уныло улыбнулся и согласился принять их опять.

После всех свалившихся на меня неприятностей, хотелось побыстрее забыть всю эту неприятную историю, вычеркнуть ее из памяти как будто этого и вовсе не было. Но не тут то было.!

Стрессовая ситуация вкупе с алкоголем, породила во мне страх, *какой-то испуг* и я захотел скрыться в каком-нибудь уединённом месте. Недолго думая, поехал к своей тётушке Нине на дачу, близ Читы, и провёл там весь день.

Неяркая, скромная забайкальская природа и прохладные струи реки Ингоды, совершенно меня оздоровили. В приподнятом настроении я возвращался в город. Но на подходе к нашему дому, чувство страха вновь овладело мной. Мне не захотелось ещё раз встречаться

со своими вчерашними спасителями. Тем более, что вместо условленных семи часов вечера, я возвращался в девять и уже темнело.

Осторожно я приблизился к своему подъезду. Поднялся на наш третий этаж, вошёл в квартиру и облегченно вздохнул – никто меня не подкарауливал.

Только на другой день я обнаружил, что пропало моё обручальное кольцо. Оно лежало в секретере за стеклом на самом видном месте и взять его мог кто угодно. Этим кольцом я очень дорожил. Оно скрепляло наши семейные узы с Татьяной.

Мы поженились ещё студентами. Деньги для приобретения наших обручальных колец, я – студент Иркутского политехнического института, заработал в летние каникулы, трудясь в студенческом строительном отряде «Баргузин -75» на строительстве Байкала – Амурской магистрали на севере Иркутской области. И вот моё обручальное кольцо украли. Еще раз всё тщательно обыскав, я вынужден был признать эту горькую истину.

«Кто мог это сделать?» – спрашивал я сам себя.

Ответ лежал на поверхности:

«Конечно, азербайджанцы. Ну не друзья – товарищи, же»!

Позднее, вернувшаяся с курорта мать, сообщила, что у неё перерыты и перевёрнуты в укромных местах шифоньера все коробочки и шкатулки, где с виду предположительно могут храниться золотые украшения и пропала недорогая брошь с искусственными камнями. Видимо, её прихватили наспех, не разобравшись.

Мои родители были педагоги и в нашей семье не было ни традиции, ни лишних средств на приобретение и хранение под спудом золотых изделий.

Хорошо, что ещё не украли обручальное кольцо моей мамы. Наверное, оно было у неё на пальце. Всё это окончательно подтвердило мои подозрения.

Теперь, надеюсь, уважаемому читателю понятно моё предосудительное отношение к азербайджанцам вообще.

Я вкратце рассказал соседям по номеру эту свою историю с пропажей кольца.

– Нэт, – сказал дедушка, – азэрбайджанцы нэ стали бы так поступать. Оны тэбэ помоглы в трудную мынуту, они сталы тыбэ друзья.

Да я и сам видел, что передо мной совершенно другие люди – смелые и гордые, живущие в горах своим трудом. Они выгодно отличались от рыночных торговцев фруктами.

Но всё равно моя мама не советовала мне обижаться на этих азербайджанцев, если они и взяли себе *на память* моё обручальное кольцо. Во-первых обручальное кольцо всегда должно быть на руке, а во-вторых при неблагоприятном развитии событий оно вообще могло не потребоваться мне в дальнейшем.

В их конфликте с Арменией из-за Нагорно—Карабахской автономной области, я больше сочувствовал армянской стороне. Наверное, не в последнюю очередь из-за моего пропавшего обручального кольца. Историю их межнациональных отношений я себе уже представлял, но решил узнать мнение на этот счет моих соседей—нахичеванцев.

С самым невинным видом я спросил:

– Почему армяне считают, что это их земля?

Дедушка и внучок аж подпрыгнули на месте от возмущения.

– Арманский чаловэк – хытрый- хытрый чаловэк, – сказал дедушка.

– Наши предки ещё в стародавние времена, когда армяне спасаясь от турок и персов бежали к нам в горы, – стал пояснять внучок, – позволили им здесь укрыться, пережить трудные времена. И вот как они нас отблагодарили – объявили, что Нагорный Карабах теперь их. Как мы можем с этим смириться?

– Мы ехали сюда на автобусе, когда проезжали через армянские селения в Карабахе, нас забрасывали камнями. Приходилось ложиться на пол. Разбили в автобусе все стёкла. Хорошо ещё не стреляли.

– А что, есть у них оружие?

– Да навалом, – ответил молодой человек, – достают где-то.

– Арманский чаловэк – хытрый- хытрый чаловэк, – опять начал дедушка.

– У деда тоже есть солдатский автомат, он охотится с ним в горах. Знаешь такой? С деревянным прикладом.

Такой автомат с деревянным нескладывающимся прикладом был мне отлично знаком и нравился больше, чем металлический, складной. Кстати, под армейской плащ-палаткой он совершенно не заметен. В своё время я так заходил в сельский магазин, и никто не обращал на меня никакого внимания.

Дедушка с внуком продолжали ругать армян на своём языке. Я же, почувствовав сильную усталость от этого наполненного событиями дня, завалился на свою кровать и быстро уснул под доносящийся из-под подушки приятный тикающий звук ручных часов «Слава», славного Второго Московского часового завода. Но сон мой, всё равно был беспокойный. Наслушавшись страшных истории, я стал бояться, что мне ночью всадят в шею нож. Усилием воли отгонял, как мне тогда казалось, эти пустые страхи.

Глава пятая
Нечаянная встреча

Утром следующего дня, наскоро перекусив в гостиничном буфете, я вышел на улицу. Была пятница 12 января. Народ спешил по своим делам, в основном, конечно же, на работу. У входа на станцию метро «28 Апреля», даже было небольшое столпотворение. На подходе к метрополитену стоял нищий, молодой человек с костылем, наверное, раненый беженец и кричал:

– Аллах акбар, Аллах акбар!

И люди, проходя мимо него, исправно подавали ему свои пятаки и гривенники. Я тоже подал, вложил ему в руку пятнадцать копеек и спустился на эскалаторе под землю к вагонам метропоезда.

На конечной станции, где- то на окраине города, я пересел в небольшой автобус и поехал на завод. Пассажиры были сплошь азербайджанцы, у водителя гремела национальная музыка. Гортанно, но достаточно мелодично, пели исполнители местной эстрады и мы весело, и быстро домчались до заводских ворот.

Но Восток, как всем известно, дело тонкое и не предсказуемое, и на выходе из автобуса не обошлось без происшествия, вроде бы незначительного, но заставившего меня содрогнуться от ужаса.

Дело в том, что пассажиры расплачивались с водителем за проезд при выходе из автобуса. Проезд стоил двадцать копеек. Но двадцатикопеечная монета по размеру была как трёхкопеечная и в сумрачном утреннем свете я перепутал монеты и ошибочно протянув трёхкопеечную шофёру, выскочил из автобуса. Но не успел я сделать и нескольких шагов по замёрзшей азербайджанской земле в сторону заводской проходной, как заметил, что за мной с рычанием мчится, выскочивший из кабины, водитель. Причем, в руке у него была какая-то железка – то ли гаечный ключ, то ли рычаг кик-стартера.

Читатель, скажу честно, я испугался, так как не мог понять в чём провинился и ради чего это он за мной гонится. Я не испугался на вокзале в Тихорецке, когда бандит вытащил нож. Не испугался и вчера в ресторане при столкновении с разъяренными функционерами Народного фронта Азербайджана. А всё потому, что я был не один – то с Борисом, то с Суретом, а на миру, как известно, и *смерть красна*. Да и чувство локтя товарища придаёт уверенности. Сейчас же впал в оцепенение – делай со мной, злодей, что хочешь!

Это был молодой мужчина с усиками и страшно обозлённый. Казалось, он готов был убить меня прямо на месте, ярость в нём так и кипела, на лице было выражение ненависти. Повторяю, я испугался и совершено некстати впал в полнейший ступор. Но молодой азербайджанец не убил меня, а просто с возмущением протянул трёхкопеечную монету, которую я ошибочно протянул вместо двадцатикопеечной. Извинившись и оплатив проезд как положено, двинулся дальше, на неожиданно отяжелевших ногах, к заводским воротам.

«Да, – думалось мне, – восточные штучки продолжаются! То ли ещё будет!»

В конструкторском и производственно-техническом отделах предприятия, куда я ранее обращался со своим заказом, меня проинформировали о степени готовности нужного мне оборудования и сроках его поставки. Сотрудники отделов были сплошь доброжелательные русские люди, мои соотечественники. Никакой тревожности, от нарастающего в республике межнационального конфликта, я не заметил и разговоров на эту тему никто не вёл. При мне политических вопросов не обсуждали, Горбачёва и его «Перестройку» не ругали, вроде всем люди были довольны. Так и хотелось сказать:

«В Багдаде всё спокойно!»

Женщины напоили меня чаем с бакинскими конфетами, мужики-начальники велели приходить в понедельник и отпустили гулять по городу.

День выдался очень солнечным, теплым. Кругом зелень, пальмы. Не хватало только зелёных листьев на деревьях. Добравшись до центра азербайджанской столицы, в агентстве «Аэрофлота» я приобрёл билет на самолёт до Москвы, на вторник, и с удовольствием стал прогуливался по площади Низами. С лотков торговали книгами. Здесь их был прекрасный выбор.

Купил детям сборник русских сказок «За горами, за лесами», любимой жене Татьяне – «Мелкого беса» Федора Сологуба и «Белую гвардию» Михаила Булгакова. Таня – преподаватель русского языка и литературы, и эти книги ей бы пригодились для работы, а Булгакова она просто обожала. Для себя приобрёл «Историю Александра Македонского», раз уж он бывал в «древнем Азербайджане», как уверял меня вчера вечером Сурет.

И уже отходя от прилавка книготорговца, заметил небольшую книжечку в мягком переплёте – «Владимир Высоцкий», автор – Марина Влади. Песни Высоцкого я любил, у меня было много его грампластинок и поэтому прибрёл. Но я и в страшном сне не мог увидеть, что уже завтра чтение этой книжицы разделит мою жизнь на «до» и «после».

Прошелся по набережной, по Приморскому бульвару, по-прежнему с изумлением рассматривал диковинного вида, для жителя средней полосы России, Дом правительства Азербайджана. Спустился на берег. У моря прекрасно, вода не холодная, градусов десять. Забываешь, что сейчас январь. Остатки снега бесследно исчезли. В уютном сквере у памятника Пушкину прогуливались старушки, рядом весело играли дети, обстановка была самая безмятежная.

Иногда на пути мне попадались влюблённые парочки. Одну такую гуляющую пару, я стал обходить. Это был здоровенный верзила, заботливо поддерживающий за талию хрупкую девичью фигуру. Я уже завершал свой манёвр, когда меня окликнули:

– Женя! – произнёс женский голос.

– Евгений – добавил мужской.

Сказать, что я удивился – ничего не сказать. Впервые в жизни был в Баку, знакомых здесь не могло быть по определению. Хотя встретить можно кого угодно и где угодно.

Как-то в Москве днём, зашёл в полупустой вагон метро и нос к носу столкнулся с сотрудником нашего отдела, вальяжно развалившего на диванчике и возвращающегося из дневной командировки.

– Евгений, – вместо приветствия произнёс Саша Щербина, – поехали в Сокольники пиво пить!

Вот какие бывают неожиданные встречи. Тысячу лет езди по Москве на метро и не встретишь коллегу по работе, а поедешь с женщиной, не обязательно с любовницей, кто только вас не увидит! Моя супруга всегда смеялась над этим обстоятельством.

Обернувшись, увидел своих старых знакомых, которых встретить не предполагал. Это были мои недавние попутчики – Борис и Рузанна. По их счастливому виду всё с ними было понятно или как бы воскликнул Александр Сергеевич Пушкин, ввиду памятника которого мы встретились:

Узнают коней ретивых,
По их выжженным таврам.
…… … … …..
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслажденья знак нескромный.

На Боре была та же одежда, в которой он сюда явился: чёрные брюки, но тщательно отутюженные, начищенные до блеска полуботинки, на голове – морская фуражка с *крабом*, а из-под куртки выглядывала полосатая матросская тельняшка. Серые глаза светились радостью, жизненной энергией, но взгляд был томным, а движения лихорадочные.

«Да, – подумалось мне, – ловко обработала его наша подруга, наш боевой трофей.»

Вид Рузанны совершенно преобразился. На ней была красивая кожаная куртка с меховыми отворотами, удлинённая плиссированная юбка, из-под которой выглядывали чёрные сапожки, несомненно югославского производства, давняя мечта моей жены. Головного убора на ней не было, а из-под шарфика выглядывали жёлтые янтарные бусы. Она имела вид деловой, уверенной в себе и удовлетворённой происходящем, женщины. Впрочем, *пламень томный, наслаждений знак нескромный,* тоже присутствовал в её глазах.

– Куда держим путь, молодые люди, – был первый мой вопрос.

Вместо ответа Боря махнул рукой куда-то вперёд, а его подруга весело ответила:

– Гуляем!

И быстро ухватила меня под руку.

– Женя, пойдёмте с нами, прогуляемся, погода хорошая.

И мы все вместе пошли вдоль набережной. В нескольких словах я рассказал где устроился. О вчерашней схватке в «Апшероне» и сегодняшнем происшествии с водителем автобуса, я скромно умолчал.

Сообщил своим новым друзьям, что на вторник приобрёл билет на самолёт и что моя командировка успешно подходит к концу. Все задания своего руководства я выполнил. В выходные дни хочу просто побродить по городу, посетить местные музеи. В первую очередь – музей истории Азербайджана и знаменитую Девичью башню, символ Баку.

– Вот это правильно, – сказала Рузанна и весело переглянулась с Борей. Вам там понравится.

И мы пошли дальше вместе, гулять! Выяснилось, что Борис всё ещё ждёт телеграмму от капитана своего рыболовецкого судна, а Рузанну он вчера *случайно* встретил в городе, когда возвращался с телеграфа, куда ему до востребования должно было прийти ожидаемое телеграфное сообщение.

Оказалось, что Боря по-прежнему проживает в гостинице «Баку», только на четвёртом этаже. Удивительно, что мы не встретились. Рузанна пока помалкивала о себе, но живо обсуждала увиденное по дороге.

Так мы и шли вдоль берега моря по проспекту Нефтяников. Вечерело, солнце стало садиться за горизонт, становилось холодно. Я не спрашивал, куда мы идём. Довольный, что встретил знакомых людей, с которыми можно просто поболтать.

Наконец, уже в сумерках, мы вышли к огромному трёхэтажному зданию с большими куполами, занимавшему целый квартал.

Музей истории Азербайджана

– Музей истории Азербайджана. Я здесь работала раньше в Историческом архиве, – сообщила Рузанна, – а сейчас сдаю дела. Он находится на первом этаже здания, а выше располагаются экспозиции музея.

– Какое интересное здание, что-то в итальянском стиле?

– Вы правы, Евгений, это особняк бакинского нефтепромышленника, миллионера и мецената Гаджи Тагиева. Его главный фасад действительно создан в торжественных формах Итальянского Ренессанса. Здание построено ещё конце прошлого века российским архитектором польского происхождения – Гославским Иосифом Викентьевичем. В нём более ста комнат, уникальная отделка стен и потолков мрамором, ценными породами дерева. В музее представлена история Азербайджана с древнейших времён и до наших дней. Завтра вы можете его посетить, хотя бы ради того, чтобы увидеть дворец Тагиева изнутри, оценить его роскошные интерьеры.

– Что вы, Рузанна, я большой любитель истории и с удовольствием посещу завтра ваш музей. Мне сказали, что здесь есть картина «Александр Македонский в древнем Азербайджане». Я даже сегодня приобрёл на книжном развале «Историю Александра Македонского», так меня это заинтересовало.

– Ну не знаю… А художественное полотно с таким названием действительно висит прямо напротив входа, мимо не пройдёте.

– Мне разрешили пожить несколько дней на моём рабочем месте, поспать на диванчике в коридоре, пока сдаю дела. В добавок, здесь безопасно – за стеной, в вестибюле музея находится вооружённая охрана.

– Спасибо, ребята, что проводили, жду вас завтра. До свиданья!

И Рузанна скрылась за своей служебной, но *высокохудожественной* деревянной дверью, а мы с Борисом, по вечерним улицам, отправились к себе в гостиницу «Баку». Идти было недалеко. Центр азербайджанской столицы представлял из себя очень компактную городскую историческую агломерацию, наполненную красивыми зданиями необычной архитектуры.

Сначала мы шли молча. Я ждал, что Боря сам внесёт ясность во всё происшедшее. Так оно и случилось.

– Евгений, ты, конечно, догадался, что мы с Рузанной встретились не случайно. Она попала в трудную жизненную ситуацию и обратилась ко мне за помощью. Пришла вчера утром ко мне в гостиницу. Она знала где я буду временно проживать, пока меня не вызовут на траулер. Ей подсказали на стойке регистрации, где проживаёт русский матрос. И вот она, со слезами на глазах у меня.

– Неужели попала в лапы бойцов Народного фронта, – вырвалось у меня, – так она на армянку и не похожа, уж скорее на еврейку, хотя тоже не очень!

– Когда беженцам из Карабаха или просто жителям сельской местности, хочется обосноваться в столице, отжать у кого-нибудь квартиру, то подозрение на армянские корни оказывается как нельзя кстати.

– Так она же с родителями поменяла свою роскошную квартиру в центре города на наш Ростов-на-Дону, помнится мне.

– Да, верно, но у неё есть ещё своя квартира, неподалёку от родительской, только маленькая, однокомнатная. Нам она хвастаться ею не стала, скромно умолчала. Соседи, конечно, знали, что у неё отец армянин и как только она третьего дня объявилась, сразу сообщили *куда надо.*

– Это куда же? – спросил я.

– Как минимум в районный штаб народного фронта, а скорее всего, своим родственникам. Квартирный вопрос портит людей не только в Москве, но и здесь, в Баку.

– Внаглую захватывать квартиры опасаются, хочется легитимно, чтобы с документами, вроде, сами поменяла на их деревенский домик.

«Хочется – перехочется», – вспомнил шутку я, а вслух сказал, – теперь понятно, почему она скрывается в здании музея и спит на диванчике в своём архиве.

– Рузанна мне доверилась, а тут и ты нам попался на бульваре. Одна боится ходить по городу, я её сопровождаю, – не без гордости пояснил Борис. – Ходит по каким-то обменным конторам, хочет тоже поменять свою квартирку на наш Ростов-на-Дону.

Так за разговорами, мы незаметно и дошли до нашего временного жилища – гостиницы «Баку». Я предложил Борису подняться ко мне в номер и попить чаю с азербайджанской похвалой, что нами и было сделано.

Соседей-нахичеванцев на месте не оказалось. Видимо, не все свои дела дедушка и внучок завершили в городе. Из-под кровати торчали их баулы, а в углу комнаты, за плательным шкафом, виднелся свернутый в рулон ковёр.

Мы с товарищем расположись за столом, я принёс из буфета чайничек, и мы стали чай, непринуждённо беседуя. Мне давно хотелось расспросить Бориса о его жизни на Урале и как он попал в Москву.

– Боря, ты был раньше женат, у тебя есть дети?

Вместо ответа он тяжело вздохнул:

– Была жена, мы жили в Каменске – Уральском, я работал сменным мастером на алюминиевом заводе, неплохо зарабатывал, любил дочь. Мне казалось – я был образцовым мужем и отцом… – Но, – и Борис опять тяжело вздохнул, – не сложилось. Не поймёшь, что этим женщинам надо. Ушла к другому!

– Это точно, – поддержал я друга.

– Словом, бросил всё и поехал куда глаза глядят. В поезде познакомился с Эльвирой, живём вместе уже второй год. У неё тоже дочь-подросток, видимся с ней редко, она в основном живёт у бабушки – её матери. Эльвира и устроила меня на корабль, рыболовецкий траулер. Часто бываю в городе. Я здесь служил в армии, остались друзья и просто знакомые. Встречаемся с однополчанами.

«Да, золотое правило, – вспомнилось мне, – не хочешь своих детей воспитывать – будешь воспитывать чужих. Не нами сказано. Обидно, что мы люди не только игрушки в руках Судьбы, но ещё и друг друга.

– Скучаешь по дочери?

– Да, конечно. В отпуск езжу к ней, вместе гуляем. Живу у друзей, бывшая супруга замужем и не препятствует. Дочь мне часто снится, – и слеза блеснула в его глазах.

«Какой сентиментальный человек,» – сказал я себе и прекратил расспросы.

В свою очередь я рассказал Борису о вчерашнем столкновении в «Апшероне» с деятелями Народного фронта, закончившимся примитивным мордобоем.

К моему немалому удивлению, мой товарищ отнесся к этому происшествию очень серьёзно, я бы сказал даже с тревогой.

– Держись, Евгений, подальше от этой публики. Один раз пронесло – и радуйся! Второй раз может и не повезти. Впредь, будь осторожнее, не встревай в их разборки, не поддавайся на провокации, – посоветовал мне Борис.

Сурета Гусейнова он, конечно, не знал, но при Алиеве служил здесь в армии, когда тот был полновластным хозяином Азербайджана – Первым секретарём компартии, другом самого Леонида Ильича Брежнева.

– Знаю про Алиева, хороший мужик, – добавил Борис, – республика благоденствовала при нём. Даром, что был служака и генерал госбезопасности. Сумел стать и хорошим руководителем. Он себя ещё покажет, рано его списали в обоз. Знает здесь все ходы и выходы и нравственными догмами не отягощён. Если потребуется – одних направо, других налево, а третьих – прямиком, в овраг!

И Боря засмеялся таким демоническим смехом, от которого у меня захолодило спину и пошли мурашки по телу.

– А кто сейчас возглавляет партийный олимп здесь, в Азербайджане?

– Да Везиров Абдурахман, второй год уже Первый секретарь ЦК компартии республики. Бывший посол Союза в Пакистане, человек Москвы, ставленник Михаила Горбачёва.

– А Муталибов Аяз, бывший директор Бакинского завода холодильников, тоже выдвиженец Михаила Горбачёва – с прошлого года Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

– Оба деятели мирного времени – один высокопоставленный чиновник, другой чисто хозяйственник, опыта политической борьбы не имеют. Абульфазу Эльчибею, с его Народным фронтом, они не соперники. Если надо будет – прихлопнут обоих разом. В народе не популярны. На поддержку Москвы, Горбачёва рассчитывают, на Советскую Армию. Не наделали бы они тут кровавых дел, *хреновы реформаторы.*

Соседи по номеру не спешили возвращаться. Я стал рассказывать Боре про них – какие они мужественные, смелые и решительные люди. Не похожи на торговцев с рынка. Как они под градом камней добирались сюда на автобусе через армянский анклав – Нагорный Карабах.

– Одним слово – джигиты.

– Ха, – усмехнулся Борис, – джигиты. Абреки, Евгений, чистой воды абреки. Я же здесь служил, многое повидал и понял из местной жизни.

– Вот скажи на милость, зачем абрекам ковёр?

– На свадьбу подарок, – нашелся я.

– На свадьбу, подарок, – передразнил Боря. – Давай на спор, сейчас тряхну ковёр и оттуда вылетят черкесская шашка, пара кинжалов и какая-нибудь винтовка времён Первой мировой войны.

И он решительно вытащил из-за шкафа свёрнутый в рулон и скреплённый кожаными ремешками, ковёр. Свёрток был достаточно увесистым.

– Ого, – сказал Борис, – и, не слушая моего предупреждающего возгласа, ослабил ремни, тряхнул свёртком и оттуда действительно вылетел, замотанный в материю, продолговатый предмет, с грохотом упавший на пол.

– Ну что я говорил! – обрадовался Боря, – абреки, чистейшей воды абреки.

Мы осмотрели свёрток. Там действительно оказался дедушкин автомат Калашникова с деревянным прикладом, с наплечным ремнём, но без магазина и патронов.

– В ремонт привозили, – заметил я, – затвор не работал, боевая пружина была сломана.

Борис передёрнул затвор и щелкнул курком:

– Нормально работает, отремонтировали им агрегат!

– Они должны были сегодня уехать домой, но что-то задерживаются.

– Ха, – усмехнулся Боря, – патроны ищут. Найдут и уедут.

Закончив осмотр, мы аккуратно упаковали оружие в ковёр и вернули на место за шкафом.

Борис отправился к себе в номер, а я отправился побродить по нашему коридору, ненавязчиво осматривая всё прибывающую публику. Это были всё молодые мужчины, азербайджанской национальности, где-то, наши с Борей ровесники. Была пятница, конец рабочей недели, люди приезжали в город по своим делам – что-нибудь купить или просто погулять. Так мне тогда казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.